

Глава первая СВОИ

Алесино, 30 июня, 8:20

Папа — моряк. А также путешественник, механик, слесарь, электрик, радист, повар, спасатель и даже певец. Он говорит, что моряк должен уметь всё: прокладывать курс, чинить лебёдку, предсказывать погоду, молчать, коптить рыбу, радоваться жизни, ставить парус, защищаться, беседовать с ветром, понимать чужие языки и, конечно, отлично плавать. Там ещё много чего — всего не перечислить. Иначе, по его мнению, пропадёшь. Ах да! Как же я забыла знаменитое «Чудес не бывает», а также «Надейся только на себя» и самое любимое «Овёс к лошади не ходит». Нет, всё-таки главные любимчики — это «Работа и Результат». Эту рр-рычащую парочку я просто ненавижу, даже больше, чем «уу» — «Уроки и Уборку».

Что ещё?

Папа — отличный рассказчик. Жаль, что половина его невероятных историй — красивые небылицы, но, когда его

слушаешь, всё равно, правда это или выдумка. Интересно, и ладно.

Так, теперь внешность. Думаю, он не очень красивый. Точно не знаю. Когда кого-то видишь каждый день, трудно понять. С незнакомыми намного проще. Скорее всего, он похож на моржа: такой же большой, усато-бородатый, лысый, толстокожий, с прохладными ладонями. О! И лапы у него есть, так что всё правильно: он — морж!

Папа разный. Дома он один, не дома — другой. Когда рядом нет близких, он хмурый и молчаливый, даже голос чужой — злой и хриплый. Если закрыть глаза, ни за что не узнаешь, вообще другой человек. Я тоже такая. Все такие.

Конечно, я его люблю. Но терпеть не могу, когда он рубит ладонью по краю стола и орёт:

— Сначала подумай! Всегда сначала думай!

Алесино, 30 июня, 10:12

Вообще-то не каждый человек появляется на свет в моторной лодке, но у меня как-то получилось. Да, я родилась прямо посреди рюкзаков, набитых котелками, тёплыми носками, фонариками, спичками и консервами. Тем летом мои родители, тогда ещё студенты — этнограф и механик, — вместе с друзьями отправились в путешествие по Онежскому озеру.

Экспедиция посвящалась чему-то важному, вот только чему — уже не узнать, потому что папа эту историю вспоминать не любит. Из-за чего — неизвестно. На мой взгляд, она прекрасная. Лето, каникулы, студенты — одни женатые, другие пока нет, — огромное озеро, лодки... Днём путешественники передвигались по воде, а ближе к вечеру

высаживались на каком-нибудь острове и там устраивали ночёвку. Островов на этом огромном северном озере больше тысячи — выбирай любой, — но ни один из них мне не подошёл. Конечно, я ничего не помню, но точно знаю, что всё случилось тогда, когда лодка оказалась между двумя островами.

Первый, Большой Лёликовский, поросший непроходимым тростником и грустной серой ольхой, подарил мне имя. А второй, Монак, крохотный, даже не остров, а голая неприступная скала с маяком на макушке, стал моим прозвищем (иногда папа зовёт меня принцессой Монакской).

Кстати, если бы лодка повернула на север, к острову Василисин, то, понятное дело, никакой бы Лёли не было. Нет, я бы, конечно, была — куда я денусь? Только звали бы меня по-другому. Василиса — ещё ладно, но если бы лодка подошла к острову Соня, то сейчас в нашем классе было бы аж три Софы. Ещё у меня был отличный шанс называться Суйсари, Гурией и даже Гебойлудой!

Могу себе представить:

— Гебойлуда Николаевна, вы куда пропали? Мы вас везде ищем.

Алесино, 1 июля, 23:10

День рождения — всё! Закончился. Не самый лучший, но и не такой ужасный, как прошлый. Наверное, потому, что в этот раз я сразу предупредила, что не хочу #атмосферноекафе, в котором #самыйсмешнойведущий надывается, чтобы #супервечеринкадляподростка порадовала #морегостей. Папа очень удивился и уже открыл рот, чтобы возмутиться или предложить что-то другое, но я его опередила, закричав, что #сказочныйторт не хочу тоже.

Он, конечно, стал выяснять, чего я тогда хочу. Ответа у меня не было. То, что не люблю, знаю точно. А что люблю — сразу не назову, надо думать. Тогда папа предложил действовать от противного. Он прав, это помогает не только в геометрии. Совет посмотреть на всё вверх ногами сработал. Как всё, оказывается, просто:

- внутри — снаружи;
- пирожные — бургеры;
- чужие — свои.

Пазл сложился: пикник у моря! Даже удивительно, что эта идея не пришла мне в голову сразу. И вообще, зачем тратить силы на обсуждение места, времени и меню, когда на дне рождения главное — это подарки и воздушные шары? В этом году шары были ярко-голубые, почти синие, прямо как сегодняшнее небо. Может, поэтому они так рвались вверх? Их не мог удержать даже тяжёлый валун, обросший ракушками: ветер то и дело выдирает очередной ленточный хвост, и освободившийся шар тут же улетал к облакам. Двенадцать вырвались на свободу один за другим, а последний зацепился за корягу. Привязанная к нему лента то приседала, то натягивалась как струна, но шарик оставался на месте. Когда он всё-таки распутался и рванул вверх, я проорала вслед:

— Ура, мне тринадцать!

Алесино, 2 июля, 22:37

Мама. Она есть, её нет. В телефоне — когда угодно. По-настоящему — в конце декабря. Ещё — все зимние каникулы, майские праздники и в последнюю неделю августа, когда арбузы самые сладкие. Арбуз — это не чай с печеньем. Когда ешь арбуз, некогда смотреть в глаза и разговаривать.

Миллион косточек, текущий сок, липкие руки, гора корок — не до болтовни! Всем вкусно, всем удобно.

Но мама вообще мало говорит. Это папу как понесёт — не остановишь, а она разговаривать не любит, больше слушает, ещё больше молчит. Она же учёный, а учёные не болтают. Они исследуют, думают, пишут, отправляются в экспедиции, летают на конференции и иногда знакомятся с другими учёными со смешными именами.

Мама всё такая же высокая, остроносая, с медовыми волосами и очень серьёзная, как девочка на снимках фолк-группы с древнекарельским названием. Почти на всех школьных фотках она в народном костюме: платок, длинная юбка на лямках, фартук с бахромой, рубашка с пышными рукавами плюс накидка-плед. И вот во всей этой красоте она то танцует, то поёт, то грамоту получает. Когда она уроки делала и как её в науку занесло — вообще непонятно. Наверное, лапы гуся помогли: накидка застёгивалась на крупную серебряную брошку, с которой свисали три гусиные лапки (тоже серебряные) — древние карелы правильно думали, что это красиво.

Когда мама уезжала, с собой она взяла только эту брошку. Вообще-то она планировала взять ещё и меня, но папа решил по-другому. Или это я так решила? Хотя кто бы меня в шесть лет спрашивал? Нет такого закона, чтобы у шестилетки спросить: ты с кем? А вот сейчас уже можно. Но у нас всё давно задано. И давно отвечено.

Всем вкусно, всем удобно.

Алесино, 5 июля, 10:10

Вчера папа как бы между прочим поинтересовался:
— Как там дела с журналом? Заполняется?

Когда я ответила: «Вроде да», он довольно усмехнулся и сказал: «А я тебе говорил! Это вещь, это настоящее!» Потом он зачем-то вспомнил давнишнюю историю про одну из моих страниц в интернете, которая, кстати, прожила всего два дня: я и сама поняла, что она не нужна, и завела другую, только теперь папе уже ничего не показывала. Что тогда было — ужас! Противно вспоминать. Он орал, что я развесила бельё перед всем миром (хм, какое бельё? Там была фотка обглоданной селёдки), что мне потом будет стыдно, но ничего не изменишь, потому что там — он выхватил телефон и тряс им так, как будто его било током, — всё остаётся навсегда!

Его возмущало всё: фотка селёдочного скелета, подпись «ПИИИТЬ!» и даже один-единственный комментарий. Ещё он распахивался из-за списка друзей — никак не хотел понять, что их совсем не обязательно знать в лицо и ходить к ним в гости. Он совершенно не мог себе представить, что виртуальные друзья — это... ну, как звёзды на ночном небе. И чем их больше, тем красивей.

Закончив с воспоминаниями, он решил закрепить победу:

— Ну сейчас-то ты поняла, что дневник дневнику рознь? Как говорится, почувствуйте разницу! Но, пожалуй, главное преимущество — это безопасность. Согласись, у бумажного она на высоте.

Соглашаться не стала из вредности, но да, он прав. Кому интересна какая-то старая серая книжка без картинок? Её не взломаешь.

Алесино, 6 июля, 10:10

Оказалось, что целую неделю я живу без позывного. Выяснилось это случайно: в новостях сообщили, что рыбацкое

судно, попавшее в шторм, больше десяти часов не отвечало на позывной. Папа тут же поинтересовался: а я-то как? с позывным? И очень удивился, когда я ответила отрицательно. Он завёлся не на шутку (может, из-за пропавших рыбаков?) и, покричав, что у меня всё всегда тятляп и на бегу, потребовал изучить все страницы журнала.

— Слышишь, все! А не через одну!

Я пыталась объяснить, что со своими вещами делаю что хочу, но, само собой, он ничего не хотел слышать. Журнал действительно был заполнен не *#какположено*. Кое-кто был прав: кое-что я пропустила. Самая первая страница требовала:

Название судна _____

Владелец судна _____

Порт приписки судна _____

Позывной сигнал судна _____

Название никак не придумывалось. Те суда, которые заходили в наш порт, назывались совсем уж скучно: например, «Профессор Муравьёв», толкающиеся в марине яхты — сплошные «Анабеллы» и «Авроры», что, по-моему, в тысячу раз хуже неизвестного мне профессора. Недолго подумав, я наконец решила, что названием будет моё имя, владельцем — фамилия. С портом приписки тоже особо не мучилась, всё ж понятно: Алесино! А для позывного пригодился мой почтовый пароль, состоящий из клички соседского кота и номера школы: nestor17.

Теперь не пропаду.

Алесино, 8 июля, 15:18

Мой лучший друг — Алёна, или просто Алё. Больше друзей нет, не было и, наверное, не будет. Она самая-самая. Только с ней я могу смеяться просто так, без причины.

Увидели друг друга — и засмеялись. Сразу и до упаду. Ничего смешного рядом нет, а мы умираем от смеха.

Встретились, и началось:

— Алё?

— Лёлё!

— Лёлё?

— Алё!

Иногда остановиться совершенно невозможно — уже хочется замолчать, перестать икать и спотыкаться, но смех распирает, раскачивает, растрясывает. Прекратить это безобразия можно единственным способом: надо, чтобы кто-то рядом громко топнул, хлопнул и заорал:

— Хватит!

Или:

— Прекратите, в конце концов!

Вот тогда Алё и Лёлё резко идут на посадку. Оп! Приземлились. Отстёгиваемся. Дышим. Остываем.

Алесино, 8 июля, 15:50

Алё можно всё, её никогда не наказывают. Телефон не арестовывают, оценками не интересуются, интернет не выключают. Она может показывать свои видео всему миру, оставлять любые комментарии, сама покупать одежду и ходить в гости хоть каждый день. Но она и не делает ничего такого, за что можно было бы наказать: уроки у неё всегда сделаны, задания записаны, гуляет до девяти, комментировать не любит, оценки отличные. Ещё у неё всё красивое. Так не бывает, но у Алё действительно всё прекрасно: одежда, походка, комната, даже почерк. Её «ю», «ж» и «ш» ни за что не повторить. Только про её письменные говорят: «Ребята, берите пример, это же настоящее произведение искусства!»

Алесино, 8 июля, 17:00

Богдан — он свой или нет? Если свои — это те, кто называет меня Лёлей, то да. Но это случается пару раз в год, хотя вижу я его почти каждый день, так что записывать ли его в свои — большой вопрос. Ни за что не скажешь, что он родной брат Алё. Она — примерная, он — ужасный. Её всегда хвалят и награждают, его, наоборот, ругают и лишают.

Из общего — только улыбка: у них один (кажется, левый) уголок рта ползёт вверх, а противоположный вообще не шевелится! Я пробовала повторить — не получается. Нет, что-то, конечно, получилось, но улыбкой это назвать трудно. Из зеркала на меня смотрело несчастное существо, которому только что вырвали зуб. Нет, три зуба.

Алесино, 10 июля, 10:10

В Алесино мы переехали почти семь лет назад. Раньше жили на севере. Север вспоминать не люблю, хотя отлично помню и холодное море — то свинцовое, то молочно-серое, и жалобные коротышки-деревья, и бесконечную полярную ночь. Снег тоже никогда не забуду: сияющий, мокрый, грязный, пушистый, колющий, лёгкий. Всё время: снег, снег, снег.

Помню подъезд с поцарапанными почтовыми ящиками, такими мятыми, будто они бумажные, а не железные. И дорогу в детский сад помню, и как родители школу выбирали — спорили, какая лучше: которая почти во дворе, но уж слишком простая, или новая, но до которой просто так не добраться. Спорили, кстати, зря. Мама как раз в тот год уехала.

После мамы уехали мы с папой. Он очень хотел взять с собой «стариков» — деда Валю и бабушку Галю, но, как их ни упрашивали, они так и не решились на переезд.

И мамина мама — бабушка Майя — тоже там осталась, но её никто не уговаривал, она сразу сказала, что никуда не уедет, потому что могилы бросать нельзя. А потом она умерла... Мне про это долго не говорили — типа, берегли от плохих новостей. Мне вообще-то про многое не рассказывают. Ни про плохое, ни про хорошее.

Пора бы и привыкнуть.

Алесино, 11 июля, 11:17

На юге хорошо. Всегда тепло. Даже зимой. Всё отлично, кроме ветра. Иногда он набирает такую силу, что запросто может сорвать крышу или согнуть светофорный столб. Но самое страшное (хотя и весёлое тоже) — это когда ураган подхватывает и несёт неизвестно куда. Куда — не угадать, где захочет, там и отпустит. Если повезёт, то припечатает к ближайшей стене, нет — полетишь дальше. В таких случаях надо просто лететь и ждать приземления.

Этот ветер страшный-престрашный, но недолгий. Обычно нужно потерпеть всего три дня. Только три, очень редко — неделю, но это не триста тридцать три, как на севере! Выдержишь — отлично, всё остальное время никакого снега и холода. Только солнце — яркое, жаркое, ласковое, утомительное, надоедливое, высокое-высокое. А ещё горы, стрекозы, светлячки, абрикосы, черешня, виноград и тёплое море.

А что может быть лучше тёплого моря?

Алесино, 12 июля, 10:10

Многие думают, что Инна — моя мама, и если встретят нас вместе, то обязательно скажут про две капли воды. Хотя это не так, мы очень разные, просто одеваемся похоже.

Она тоже любит брюки, шарфы и всё одноцветное. И размер у нас один. Только я *#крупныйподросток*, а она *#как-девочка*.

На севере Инны не было, она появилась в доме через три года после переезда. Однажды, когда вернулась из школы, папа крепко взял меня за руку и повёл на кухню:

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с...

Инна, высокая, какая-то воробьино-взъерошенная, стояла у окна и делала вид, как будто что-то высматривает. Со спины она мне не понравилась. Вообще. Услышав наше шуршание, она вздрогнула и обернулась. Представляю, какого труда ей стоило улыбнуться и непринуждённо сказать:

— Привет! Я Инна, а ты?

Папа сделал вид, что ему нужно срочно отлучиться, — понятное дело, струсил. А я... Здраваться я не стала, но почему-то сразу назвала своё домашнее имя. Это значило, что мы кое-как подружились, потому что Ё — пароль для своих. Для чужих я — Оля или Ольга.

Инна не стала спрашивать, какие мультики я люблю, не подарила куклу или шоколадное яйцо. Кивнув, она легко коснулась моего плеча, а потом упорхнула. Как бабочка.

Вместо неё появился папа:

— Ну как?

Не дождавшись моего ответа, он тихо, но твёрдо сказал:

— Лель, она правда золото.

Алесино, 12 июля, 11:15

Раньше Инна работала тренером по плаванию. Она коротко стриглась, носила спортивный костюм и свисток. Ну да. Кого-то гусиные лапы украшают, а кого-то — пластиковый свисток. Потом что-то произошло, скорее всего,

что-то не очень хорошее: с тех пор как Инна уволилась, бассейн в нашем доме никто не вспоминает. И волосы она отрастила — если честно, ей не идёт.

Последние полгода Инна работает в двух местах. До обеда распечатывает квитанции в «Расчётном центре», а после — варит кофе в «Золотом быке». «Бык» и «Центр» очень похожи: и там, и там все боятся директора, зевают, сидят в телефонах и часто смотрят на часы. Инне всё это очень не нравится, но она не злится. Папа бы на её месте взорвался от бешенства, а она спокойно переживает одно, потом терпит другое. Ни оха, ни вздоха — настоящий расчётно-кофейный робот.

Алесино, 14 июля, 10:10

Алесино — это посёлок, можно сказать деревня. Но в нашей деревне не доят коров и не выращивают капусту, потому что она здесь не простая, а морская, и вместо индюков, куриц, уток и кроликов (которые вообще-то у многих тоже есть) у нас лодки, удочки, сети, канаты и коробки с крючками и блёснами.

Наш дом почти на берегу. Папа купил его у пожилого рыбака, который на прощанье сказал: «Только дом не ломай. Всю душу вложил». Старик боялся, что вместо его дома мы построим что-то новое, потому что в Алесино почти всё ломают, переделывают и перестраивают. Были маленькие рыбацкие домики, а стало #жильёуморя — тесные гостиницы с кучей дверей и балконов.

Ломать мы ничего не собирались, дом нам сразу понравился. Он не большой и не маленький, с зелёной крышей и широкой дверью, с верандой, до которой во время сильного шторма долетают клочки морской пены. Он — просто дом.

Любимый.

Алесино, 15 июля, 17:30

Ура, практика закончилась! Все дела переделали: парты переставили, окна перемыли, таблицы перевесили, микроскопы упаковали, плакаты пересчитали, пособия переложили, учебники получили и главное — в новый, то есть седьмой, класс перевелись. Магния зачитала список библиотечных должников, внимательно изучила, все ли расписались в Правилах летней безопасности.

Закончив дела, наша прекрасная классная Агния Михайловна звонко щёлкнула пальцами, радостно объявила: теперь мы свободны до самой осени, — и в миллионный раз извинилась за то, что из-за школьного лагеря, в котором она была почти самой главной, наша практика сдвинулась на целый месяц. Всех ещё в июне отпустили, а нам, как всегда, везёт.

Сегодня в первый раз видела Магнию бодрой. Обычно она всегда страшно уставшая. Кажется, у неё нет сил даже на то, чтобы крепко держать пинцет, — он всё время выскакивает из её пальцев и металлическим кузнечиком прыгает по столу. Магния вечно грустная и измотанная: свой стул на колёсиках отодвигает как огромное неповоротливое кресло. И смеётся еле-еле, как будто боится задохнуться от лишнего воздуха.

Она... Она похожа на батарею старого телефона. Не держит заряд.

Алесино, 16 июля, 10:00

Повезло. Одна «Алгебра» дряхлая и разрисованная, всё остальное гладкое, блестящее и пахнет краской — я не мама, древние рукописи не люблю и петроглифами не восхищаюсь. Из предметов ничего нового, кроме химии. Вообще,

у всех она с восьмого. Однако *#мыособенные*, у нас *#профиль*. Учебник кажется ужасно сложным, но с Магнией можно ни о чём не беспокоиться. Ещё в прошлом году она записала нас всех в свой кружок «Кислород», где мы научились выращивать соляные кристаллы, выделять углекислый газ из колы, добывать чернила из кожуры баклажана и светить сахаром в темноте. Если там было интересно, то и на уроках, наверное, тоже.

В этом году, скорее всего, никуда не буду записываться. Все учителя пугают, что игрушки закончились и надо настраиваться на работу. Но они это говорят со второго класса. Каждый год одно и то же: игрушки-работа, игрушки-работа. Или это они себе напоминают? У нас игрушки давно закончились, может, у них что-то осталось?

Алесино, 17 июля, 23:00

С Инной что-то случилось. Она пьёт кофе! Дома она никогда это не делает. Ни-ко-гда. Мы не покупаем кофе вообще, потому что он напоминает ей работу. Для гостей где-то спрятана банка растворимого, но где — никто не знает. Гости к нам приезжают редко. Вообще-то бабушка Галя обещала в конце августа приехать, но и она кофе не пьёт.

Возможно, кофейный секрет прячется в конверте в прихожей. Но там, кроме диплома тренера и фотографий на документы, больше ничего. Да, я его открыла. А что мне оставалось делать? В конце концов, нужно разобраться, что происходит.

Кофе, конечно, пахнет здорово. Но только не у нас дома. В нашем доме он пахнет тревогой и переменами. Папа, кстати, тоже какой-то странный. Постоянно смотрит на телефон, явно боится что-то пропустить. Конечно, лучший способ

получить ответы на все вопросы — это заорать на весь дом: «Люди! Кто-нибудь скажет, что здесь происходит?»

Но у нас так не принято.

Алесино, 18 июля, 20:00

Как научиться не топтать? Алё сказала, что я топаю как слон. Даже показала. Обидно, но вообще-то она права. Есть такое. Хожу я не очень. Плаваю и ныряю без проблем. Бегать люблю, особенно обожаю тот момент, когда отталкиваешься, — это круче всего. А вот с ходьбой проблемы: ноги то запутываются, то подворачиваются, то не сгибаются. Не всегда, конечно, но бывает. Иногда как по карусельному кругу идёшь и понимаешь: да, Земля реально вертится.

Я даже помню день, когда это началось. Тогда меня долго не забирали из детского сада. Воспитательница красила ногти, я катала по подоконнику петуха на колёсах — туда-сюда, туда-сюда. Колёса были мятые, поэтому петух часто тормозил, когда он останавливался, зрачки в его пластиковых глазах страшно подпрыгивали, и мне казалось, что мама и папа никогда не вернутся и он заберёт меня к себе.

Но забрал меня не петух, а бабушка Галя — она появилась, как раз когда покрасился последний ноготь. Галя быстро, но больно засунула меня в сапоги, и мы пошли к ней домой. По дороге она часто останавливалась — перекладывала тяжёлую сумку из руки в руку и отдыхала. Стоять с ней было неинтересно, я убегала вперёд и, от души изваявшись в снегу, возвращалась. Гале это почему-то не нравилось, она требовала, чтобы я шла рядом, но я её не слушалась. Галя хмурилась, злилась, пыхтела, а потом вдруг сказала:

— Ты чего такая косолапая? На следы свои посмотри. А ну-ка исправляйся!

Из косолапых я знала только мишку, который шёл по лесу, собирал шишки и пел песни. И в стишке его косолапость вообще не была проблемой, вот ни разу! Но в реальной жизни это оказалось чем-то не просто плохим, а ужасным — тем, с чем надо срочно бороться. Вот тогда всё и началось: «Следи за ногами, ёлочкой ходи, ёлочкой, вот так. Старайся, и всё получится...»

Алесино, 19 июля, 20:30

Нет, переучиваться не буду. Никаких цыпочек и летящих походок. Как топала, так и буду топать. Хоть кому-то от этого польза. Услышав мои тяжёлые шаги, папа отпрыгнул от Инны как от горячей кастрюли. Смешно. Если бы не дёрнулся, я бы вообще ничего не заметила. Ну обнимаются люди, ну ногами трутся, и что теперь? Всё понятно, за четыре года можно было привыкнуть. Но папа, конечно, странный. Иногда ведёт себя так, как будто того дня, когда он познакомил нас с Инной, никогда не было.

Когда дома и я, и она, он всегда какой-то примороженный — может, поэтому Инна к нам нечасто заходит. По отдельности с ними проще. И папа нормальный, и Инна не испуганная курица с красным носом.

Алесино, 20 июля, 20:05

Поболтали с мамой. В этом августе она не приедет: важная экспедиция — долгожданная — невероятная удача и большой шанс — надо успеть до ноября — потом, сама понимаешь, замёрзнем как мамонты — да, Мика тоже едет, темы смежные, повезло — люблю — целую — надеюсь, встретимся на Рождество — загадывать не будем — хорошего лета.

Хм, ну да. Всё понятно: *#сотрудничество* и *#север-полныйзагадок*.

Ну что ж. Лето пропускаем. Арбузы поедим без мамы.

Алесино, 21 июля, 19:30

Папа дико нервничает: ходит туда-сюда, страшно вздыхает. Завтра интервью, на котором решится, уйдёт ли он в рейс. Именно сообщение о дате и времени интервью он и боялся пропустить. Я понимаю, папа уже почти год на берегу. Из-за этого иногда (а в последнее время всё чаще) срывается и орёт: «Без работы я — никто! Пустое место».

На интервью нужно быть спокойным и приветливым, поэтому папа репетирует: раз в час останавливается перед зеркалом, расправляет плечи и пытается улыбнуться.

На этот раз папа пытается попасть на настоящий круизный лайнер. Он всегда работал на сухогрузах и контейнеровозах — на них быть приятным и улыбочивым вроде не обязательно. Они ж ящики перевозят, а не туристов.

А тут ему кто-то посоветовал не хмуриться на собеседовании — типа, туристы разбегутся. Наверное, это был какой-то прикол, но папа в него реально поверил. Ну да, люди — не ящики, кто-нибудь и обидится. У него иногда такое лицо, что... Хотя кто его увидит в машинном отделении?

Приветливость папе даётся с трудом: улыбка то идиотская, то вымученная. Пришлось успокаивать:

— В конце концов, ты не стюард и не фокусник! Ты — ме-ха-ник! Отличный механик. Всё будет хорошо!

Он сделал вид, что и сам в курсе:

— А кто-то в этом сомневается?

— Здесь — никто. И там, — я махнула в сторону порта, где находится офис компании, — никто. А уж здесь, —

я повернулась к окну, которое выходит на море, — вообще никто не сомневается. Ни одна креветка. Поверь.

— Согласен. И через пятнадцать часов мы все в этом убедимся.

Алесино, 24 июля, 21:45

Сегодня куча невероятного. Первое: папа получил работу. Но это, скорее, вероятное. Второе: Инна тоже идёт в круиз. Не механиком, конечно. Администратором бассейна. Оказалось, анкету она отправила ещё в начале лета и даже успела пройти стажировку — ага, секрет конверта раскрыт. Для папы эта новость оказалась большим сюрпризом.

— Интересный ход, — сказал он, почёсывая подбородок.

Потом папа быстро очнулся и начал выяснять, что бы делала Инна, если бы он не получил контракт, — ушла бы в море одна? Она хитро ответила, что нисколько не сомневалась, что его возьмут, поэтому оформлялась тоже. Папа это кое-как принял и даже улыбнулся, но вдруг его пронзила молния:

— Стоп! А Лёлю куда?

Меня эта молния убила на пару минут раньше. Всё-таки взрослые думают медленнее, чем дети. Как только Инна объявила о своей победе над «Быком» и «Центром», мне сразу стало понятно, что с этой минуты я *#беспризорный-подросток*, а это значит, что или кто-то останется без работы, или кого-то куда-то отправят. Какой вариант выберет папа, конечно, было сразу понятно: долгожданной работой не пожертвуют ни он, ни Инна. Тем более что всё складывается: бабушка приезжает в августе. Приедет с севера одна, а вернётся уже со мной. Ну не к маме же меня отправят! Она, как всегда, в неизвестно какой экспедиции и, как говорит

бабушка, неизвестно с кем. Но вообще-то последние три года она с Микой, по крайней мере на фотках они всегда вместе.

Удивительно, но для папы решение не было очевидным. Он долго ходил туда-сюда, растирая шею ладонью — это был верный признак того, что проблема серьезная. Инна уставилась в окно, а я — в салат. Эту жуткую тишину нарушил звонок мамы Алё. Оксана Савельевна (или просто Оса) не стала летать вокруг да около, а сразу выпустила своё жало:

— Николай Валентинович, вам надо отпустить Олю в круиз. С нами, конечно. Не волнуйтесь, ни за что платить не надо, попадаем на акцию: второй ребёнок до шестнадцати лет бесплатно, а это значит, кроме нашей Алёны мы можем взять кого-нибудь ещё...

Оса и так громко разговаривает, а тут от волнения она орала так, что никакая громкая связь не понадобилась — и так всё слышно.

Папа напомнил, что у Алё есть старший брат Богдан — разве он не едет? Оса сказала, что ему скоро семнадцать и он, конечно, тоже едет — будет жить в каюте с дедушкой. Папа растерянно заметил, что дети растут очень быстро; больше ему сказать было нечего. Оса воспользовалась заминкой и продолжила атаку, рассказав, что у нас с Алё будет отличная отдельная каюта, но сразу пообещала, что и она, и Як, то есть Алёнин папа Ярослав Константинович, будут всегда рядом, можно не волноваться, всё будет на контроле.

Волшебное слово «контроль» стало решающим. Папа перестал мять шею и сказал:

— Добро.

Итак, третья невероятная новость: я в списке пассажиров!!!

Алесино, 30 июля, 10:05

От безделья и бесконечного ожидания пришлось заняться дневником летнего чтения. Ужас: в списке примерно двадцать книг! По-честному прочитаны только «Капитанская дочка» и «Ревизор», остальное спишу у Алё. Она, как всегда, впереди, и ей, как всегда, повезло — готовый дневник достался в наследство от Богдана. Если Алё переписала дневник за пять дней, то я справлюсь за два: мои буквы не такие круглые и красивые, зато быстрые, ну и сократить кое-что можно.

Выкручусь. Время ещё есть.

Алесино, 15 августа, 10:00

Сколько можно ждать?

Больше не могуuuuuuuuuuuuuу.

Когдаaaaaaaa?

Алесино, 18 августа, 20:40

Алё в дикой панике. Забросала меня фотками одежды, которую собирается взять с собой. Я устала отвечать, что всего этого хватит на три кругосветки, но она всё не верит. В отличие от неё, я точно знаю, что неделя лета спокойно уместится в рюкзаке. Засомневалась только из-за книжки: в путешествиях обычно не читается — проверено, но раз папа сказал что-нибудь взять — надо брать, иначе из дома не выпустит. «Что-нибудь» оказалось мифами Древней Греции — папа сам вытащил из шкафа и запихнул в мой рюкзак.

Алесино, 19 августа, 18:15

Сегодня много телевизора.

«Этот грандиозный красавец, которого вы видите за моей спиной, отчалит буквально завтра. Его пассажиров ждут

жемчужины Чёрного и Эгейского морей, а также...» — орала в микрофон девушка-корреспондент. Её длинные волосы красиво лохматил ветер. Позади девушки — маяк, за маяком — белая громадина, наш лайнер. «Это надо видеть своими глазами! Это... Это просто невероятно!» — девушка округлила и так огромные глаза, давая понять, что всех, кто купил билеты, ждёт что-то действительно потрясающее.

После причала она перелетела в офис компании, которая организовала круиз. Директора компании просто рапирало от счастья. Он был рад всему: этой шумной девушке, новейшему круизу, отличным финансовым показателям, профессиональному экипажу (здесь папа довольно кивнул), отличной погоде, нашему замечательному городу, доверившимся им пассажирам — короче, всему на свете.

Напоследок девушка рассказала, что у артистов развлекательных программ кастинг был даже сложнее, чем у технических специалистов (здесь папа недовольно фыркнул). Рядом с ней стоял парень в красных очках — всем известный Сеня-Баян. Летом он поёт на набережной, а когда холодно — в боулинге или батутном центре. Он ещё громче, чем девушка, прокричал, что для прослушивания подготовил песню на четырёх языках, всё прошло отлично, всем понравилось. Сеня предложил спеть прямо сейчас, однако, получив вежливый, но твёрдый отказ, совсем не расстроился: тут же начал хвастаться, что может стоять на руках, владеет аккордеоном, скрипкой, укулеле и... Устав кивать, девушка начала прощаться, но Сеня выхватил у неё микрофон и начал петь. На этом репортаж заканчивался.

— В Кушадасах спишут, — сказал папа.

— Что за Куша?.. Дальше забыла.

— Кушадасы. Второй порт захода. Вот там его и спишут. Сразу после вечернего концерта.

— Почему? Плохо поёт?

— Нет, поёт хорошо.

— Тогда почему спишут?

— Потому что место своё не знает.

Алесино, 19 августа, 22:50

Утром в дорогу.

Все #нанервах.

Инна, честно говоря, достала. Звонит десятый раз и каждый раз уточняет, всё ли мы взяли. Проще было приехать и проверить самой — не на Северном полюсе живёт. Папу эти звонки выбешивают, потому что отвлекают от беседы с газовым котлом — он пытается уговорить его не ломаться, пока его не будет дома. Котлу всё равно: как моргал голубой лампочкой, так и моргает. Папа разрывается между решением выдернуть его из розетки или оставить инструкцию для бабушки Гали. Но для неё уже и так куча записок — на духовке, холодильнике, стиралке, кондиционере. Несколько дней ей придётся жить одной, я вернусь только 27-го. Правда, если что-то случится с котлом или какой-нибудь трубой, я вряд ли смогу помочь — в этом деле от меня пользы никакой.

Но ладно, о неприятностях лучше не думать. Самое главное, что впереди целая неделя счастья. Что будет потом, никто не знает. Как говорит папа: «Доживём — увидим».